

жую, схватил шляпу и выбежал наружу, не затворив дверей за собой.

Сырое утро накипью взбежало на его глаза, откипело на них, осушило их. В голову ударили: дерн, сирень, прогорклость тополей, пыльные дождевины. И были птицы. Они щебетали. Щебетали. Он слышал их. Все время — их.

* * *

С этого дня больше его в городке не видали. Как похоронили маленького Готлиба, отец так никогда и не узнал.

Вторая часть написана на другой, более пожелтевшей от времени, нелинованной бумаге. Эта часть рукописи содержит 43 страницы. Почерк менее аккуратный. Она легко распадается на две главы. Первая глава состоит из пяти сложных вдвое больших листов бумаги, пронумерованных римскими цифрами. Отсутствует лист (четыре страницы) с цифрой II.

Последовательность текста второй главы устанавливается планом, записанным на обороте 40-й страницы и содержащим названия семи эпизодов. Текст второй части повести представляет собой первую чистовую запись. С большим искусством составлена композиционная структура части, четко обрисованы ее мизансцены, характеры, отделаны диалоги и описания. В тексте имеются лакуны, иногда незначительные — пропуск одного или нескольких слов, — недописаны некоторые сцены, отдельные диалоги. Пропуски легко заполнились бы автором при следующем, неосуществленном просмотре рукописи.

Действие второй части происходит спустя много лет. На почтовой станции, обступив зрителя, нетерпеливые путешественники требуют лошадей. На дворе идет дождь, лошадей всех разобрали и после 10-часового ожидания им приходится согласиться на ночевку в городе. Яркое описание грозы обрывается фразой: «Но все же, когда до ворот почтового двора докатилось <гулкое> громыханье камня, шестеро путешественников отличили его от раскатов грома, которыми это громыханье было напутствуемо и в которых оно запуталось, вырываясь из них гулками усилиями двенадцати подков, тяжелых, как молоты».

Появление кареты молодого князя Георга Кунца фон Вольфлинга, путешествующего в сопровождении губернатора господина Амадеуса, по-видимому, составляло содержание второго (II), отсутствующего в рукописи листа.

Следующий (III) лист рисует нам картину того, как после грозы слуга с фонарем в руках провожает в гостиницу застрявших на станции путешественников.

Разговор идет о чудесном случае во дворе почтовой станции, когда молния убила лошадь в упряжке, повредив карету, но пощадив путешественников. Виолне возможно, что описание этого чуда было на отсутствующем втором листе.

«— Скажите, — обратился старик к слуге, — все тот же ли... скажите, кто хозяин гостиницы?»

— Вюрценау, — промычал слуга, — а вы что, с ним знакомы?

— Нет, нет. Но я... мне говорили... я думал, что Маркус.

— Маркус? — подхватил слуга. — Да это прежний владелец, он помер... в девя... в десятом году, постойте, да, да, десять лет тому... это когда французы... лихой был день, летом, как сейчас помню: пыльно, ветрено, ветер пылом обдавал, спадет, пыль поляжет, деревья замрут, слышно: паф-паф, треск ружей со стороны Кронверка, ну да вы не знаете, сонный такой, знаете, треск, так, через пень колоду, как брань послеобе-денная. Совсем не страшно было, ну, как на кухне тут рядышком, шаг и взойти, мясо бы рубили или кастрюлями ляскали, полдень был, на улице ни души, но только что ветер был ужас какой и очень горячий, спадет только, и вдруг дымом пороховым шекот-но и горько так потянет и слышно явственно: паф-паф... относил все это ветром, прямо туда дул; это я сейчас все соображаю, тогда не понимал, мал был еще, годов девять мне тогда было. Город опустел. Да так о чем это? Ах, да, Маркус... В тот день утром его похоронили, а вечером уже французы в город вошли и с месяц в гостинице хозяйничали, а потом только Вюрценау...

— Как он хорошо рассказывает, Георг!

— Хорошо? Удивляюсь, право. Сплошная бессвязанность! И этот стиль!

— Что вы?

— Ничего, продолжай.

— Вюрценау... отделал ее... заново. Что это вы, сударь, на дома стали заглядываться? Знать, вы бывали уже здесь, вот вы и Маркуса помянули? А?

Старик не отвечал. Он боролся с каким-то волнением, которое рвалось вперед и чего-то ожидало от правой стороны улицы, противоположной той, по которой они шли; оно не в силах было держаться в той полосе, которая падала от фонаря и вела, и когда в эту полносветную полосу мгновенно и без предупреждения вкралось громадное, громоздкое и целое подножие готической церкви и, как желтую речку вброд, не пошевелив-нувшись ни единым камнем, перешло ее, плывя по желтому плитняку и с половины, грудью и маковой кутаясь в ночь, когда, говорю я, <церковь> совершила свой переход через желтую полосу, старик стал чудить как-то: произвел громкий и сухой звук